

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1888 годъ.

Благослови, Господи, новый годъ!

Вчера утро было крайне утомительно: выходъ во дворцъ, завтракъ у в. к. Павла Александровича и потомъ визиты по дворцамъ. Мнѣ показалось, можетъ быть, только показалось, что всѣ, кромѣ великихъ князей, обратились со мной очень холодно. Да и не имѣю я права на сочувствіе всего этого сановнаго міра, который мнѣ крайне антипатиченъ. За завтракомъ говорилъ такъ любезно съ Побѣдоносцевымъ, какъ давно не случалось въ послѣдніе годы. Тутъ же встрѣтилъ ген. Даниловича (воспитателя наслѣдника), котораго лѣтъ 25 не видѣлъ. Умный и тонкій онъ человѣкъ. Мрачная туча университетскихъ волненій виситъ надъ всѣмъ.

4 января. Вчера по обыкновенію были у меня за завтракомъ в. к. Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи. Они очень веселились, много пѣли, были въ восхищеніи отъ завтрака, который былъ совсѣмъ русскій (готовилъ мой Харламъ). Для меня это одно изъ самыхъ грустныхъ 3 января, которыя я помню въ моей жизни. Я чувствовалъ себя очень дурно. Рѣшительно надо свыкнуться съ тѣмъ, что я вступилъ вчера въ 7 десятокъ и что кончено съ силами.

Я всегда впрочемъ чувствовалъ себя скверно, когда дурныя нравственныя впечатлѣнія.

Сегодня обѣдалъ у Н. И. Стояновскаго. Онъ говоритъ въ моемъ направленіи, осуждаетъ новый университетскій уставъ, противъ котораго подавалъ мнѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ.

Нельзя придумать благоразумнаго выхода изъ этого глупаго положенія.

7 января. Сегодня въ Сенатѣ много говорили о волненіяхъ, которыя всѣхъ озабочиваютъ. Со всѣхъ сторонъ слышится осужденіе правительства,—этого не могутъ знать студенты. Какъ бы изъ этого печальнаго положенія не вышло чего-либо очень сквернаго.

8 января. Давно не запомню такого сумбурнаго времени какъ въ общественной жизни, такъ и въ моей личной. Университетская смута давить всѣхъ: тутъ чувствуется, что это не университетскій только вопросъ, а общій. На университетской почвѣ разыгрывается общее неудовольствіе, гложущее Россію; этотъ вопросъ—ничтожный прыщикъ, къ которому привязалось общее нездоровье русскаго государства. Въ этомъ, то и серьезность. Каждый отъ министра (буквально) до самаго ничтожнаго сотрудника газетъ,—высказываетъ свое осужденіе правительству. Каждый правитель обвиняетъ другого за безпорядки въ университетахъ. Такъ у насъ всегда водится. Но это особенно рѣзко выходитъ въ настоящую критическую минуту. 5 университетовъ закрыты, и неизвѣстно, когда откроются. Въ Мин. Нар. Просвѣщ., да и во всемъ правительствѣ не знаютъ, что дѣлать, потеряли голову (со смертью Каткова). Конечно, виновата не крамола, а само правительство, но она работаетъ, несомнѣнно эксплуатируя неумѣніе правителей и глупость общества.

12 января. Сегодня завтракалъ у в. к. Сергѣя Александровича. Тамъ былъ Павелъ Александровичъ и гр. А. В. Адлербергъ. Было очень пріятно. Я нѣсколько успокоился отъ вчерашнихъ волненій.

15 января. 13 января провелъ у в. к. Константина Константиновича и в. к. Елизаветы Мавр. (ея рожденіе). Очень отрадныя впечатлѣнія.

13 января былъ экономическій обѣдъ.—Предсѣдательствовалъ Н. И. Стояновскій. Вопросъ о хлѣбныхъ таможенныхъ пошлинахъ. Было очень серьезно и интересно.

У Н. М. П. убѣжала 15 лѣтняя дочь съ молодымъ человекомъ. Эта дѣвочка написала матери дерзкое письмо. Вотъ плоды нашихъ женскихъ гимназій. Самый грустный симптомъ нашего времени—это направленіе нашего женскаго пола.

20 января. Самая главная забота эти дни возобновленіе и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, болей въ груди. Признаки, появившіеся весной и не появлявшіеся нѣсколько мѣсяцевъ, возобновились съ силой, какой не было никогда,—и чаще и продолжительнѣе. Ужъ не предсмертная ли эта болѣзнь?

17 января былъ академическій обѣдъ у Веселовскаго въ честь новаго академика Дубровина. Вся такъ называемая нѣмецкая партія. Было нескучно.

Скончалась М. И. Лееръ; она остается въ памяти, какъ милое и унылое явленіе.

21 января. Завтракалъ вчера у в. к. Сергѣя Александровича. Было очень пріятно.

Здоровье сегодня гораздо лучше. Былъ сегодня у Пятковского (для переговоровъ о вопросахъ дня). Тяжко вести разговоры съ нынѣшними редакторами—высокомѣріе неслыханное. Или уже я отжилъ свой вѣкъ, и мною больше не дорожатъ. Похоже на это.

26 января. Вчера былъ у меня свадебный обѣдъ въ честь Оли Носовичъ, вышедшей за Протопопова. Пѣла Сіонницкая. Все обошлось очень благополучно.

Сегодня грянуло опубликованіе союзаго трактата Германіи и Австріи. Это дѣло, по-моему, очень серьезное, это, кажется, начало событій. Сегодня (воскресенье) у меня всѣ такъ разсуждали.

27 января. Сегодня завтракалъ у в. к. Сергѣя Александровича. Тамъ былъ в. к. Константинъ Константиновичъ и много гостей (своихъ).

Поразительно равнодушіе и легкомысліе относительно опубликованія германо-австрійскаго союза. На концертномъ балѣ въ воскресенье государь долго и любезно говорилъ со Швейницемъ. Всѣ говорятъ, что ничего, русское ничего. Если подъ этой апатіей не кроется грязныхъ и обдуманыхъ плановъ, то это равнодушіе къ аффронту неслыханное дурачество.

2 февраля. Опять не успѣвалъ записывать эти дни. 29 января въ Общемъ Собраніи Сената я первый разъ говорилъ очень рѣшительно и противъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и за свободу промышленныхъ предпріятій, которую новѣйшіе государственные мужи стараются всячески и произвольно стѣснять, какъ не сочувственный господствующій въ Сенатѣ духъ, т. е. въ лучшей его средѣ, умственно господствующей, но при голосованіи масса угодливыхъ сенаторовъ получаетъ пока верхъ. Такихъ и набираютъ въ I Деп. и общее собраніе, а независимыхъ переводятъ.

Вчера завтракалъ у в. к. Сергѣя Александровича. Тутъ общее впечатлѣніе, чѣмъ выше петербургская общественная сфера, тѣмъ она равнодушнѣе къ дѣламъ и тѣмъ менѣе ихъ

понимаетъ. Безсмысленныя шовинистскія разсужденія М. П. Степанова о нынѣшнемъ нашемъ международномъ положеніи.

4 февраля. Третьяго дня былъ на литературномъ обѣдѣ (въ ресторанѣ *Ронсет*)—писатели, группирующіеся около „Новостей“ и либеральныхъ идей. Довольно все мизерно. Говорили рѣзко о Бисмаркѣ и войнѣ. Два теченія—мирное (Полетика) и воинственное (въ направленіи къ желанію переворота въ Россіи—Модестовъ, Градовскій-Гамма, редакторъ „Края“ полякъ). Послѣдній надѣется на возстановленіе Польши. Заставляли говорить и меня. Я говорилъ, конечно, въ ультрамиролюбивомъ духѣ, противъ всякаго военнаго вмѣшательства Россіи, но больше въ шутиломъ. Окончательно и тутъ много апатіи. Послѣ обѣда всѣ сѣли играть въ карты.

Была у меня гр. Апраксина, брошенная своимъ негодяемъ-мужемъ. Осуществилось мое предсказаніе.

5 февраля. Былъ вчера на концертномъ балѣ и остался неудовлетворенъ,—можетъ быть, потому что недоволенъ собой. Надо держать себя *plus réservé*. Шутокъ не понимаютъ, а я слишкомъ много шутилъ съ глупыми людьми, главнѣйше съ дипломатами. Такъ я приставалъ къ Влангали устроить дипломатическую конференцію съ гр. Игнатьевымъ, Швейницемъ, которые тутъ были. Онъ не понялъ шутки и бѣжалъ отъ меня. Швейницъ, несмотря на все свое высокомеріе, былъ любезнѣе. Общее мое впечатлѣніе—положеніе очень натянуто. Въ этомъ духѣ говорилъ мнѣ Гирсъ, тоже отъ меня убѣжавшій. Съ государемъ и императрицей не удалось говорить. Почему-то былъ очень любезенъ Побѣдоносцевъ, говорилъ о своей перепискѣ съ пасторами и хотѣлъ мнѣ ее прислать. В. князя были очень теплы.

13 февраля. На этой недѣлѣ было непріятное засѣданіе Академіи. Веселовскій и Радловъ бранились. Все то же невыносимое *akademische Wirren* (смута),—личные вопросы, не имѣющіе ничего общаго съ дѣломъ. В. хочетъ господствовать, а ему неумѣло и грубо дѣлаютъ оппозицію.

Третьяго дня былъ балъ у в. к. Владиміра Александровича. Ничего примѣчательнаго. Со мною были очень любезны. Я переговорилъ съ Вышнеградскимъ о моей запискѣ, касающейся фабричной инспекціи.

17 февраля. Вчера былъ балъ у в. к. Сергѣя Александровича. Мнѣ было невесело, и я уѣхалъ рано. Можетъ быть уже старѣюсь, и все это мнѣ неинтересно. Государь оставался мало, императрица не пріѣхала по случаю смерти княгини

Кочубей. Вообще эта смерть разстроила балъ. У меня было вообще только одно могущее быть здѣсь записано: я по ошибкѣ наткнулся на наслѣдника и началъ говорить съ говорившимъ съ нимъ кн. Долгорукимъ. Послѣдній обратилъ мое вниманіе на наслѣдника, и я, сконфузившись, тотчасъ убѣжалъ. Потомъ кн. Долгоруковъ говорилъ мнѣ, что наслѣдникъ упрекалъ его, что онъ меня удалилъ: „мы могли бы втроемъ, и было бы очень интересно поговорить“.—Mais je ne lui sais pas présenté,—сказалъ я.—Oh, il vous connaît, dit-il, très bien.—Можетъ быть, и съ этимъ наслѣдникомъ, третьимъ, отъ котораго меня отдалили, будетъ то же, что и съ Николаемъ Александровичемъ, который заинтересовался мною только потому, что меня отдаляли, и сблизился со мною передъ самой своей смертью.

23 февраля. Третьяго дня приглашалъ меня завтракать в. к. Константинъ Константиновичъ. Онъ очень благодарилъ меня за книгу о Лотке; чрезвычайно ею доволенъ, чего я не ожидалъ и что мнѣ очень пріятно. Замѣтилъ 5 ошибокъ и даже записалъ одну въ моей книжкѣ. Никто изъ имп. фамиліи не способенъ такъ внимательно читать серьезныя книги и никто такъ не образованъ, какъ онъ. Грустно видѣть, что такія силы остаются втунѣ, хотя онъ и самъ въ этомъ виноватъ, какъ психологическій феноменъ (по выраженію Лотке).

24 февраля. Вчера былъ балъ у в. к. Сергѣя Александровича. Мнѣ было нескучно, но очень утомительно. Съ государемъ и императрицей опять не удалось встрѣчаться. Со мной члены императорской фамиліи были любезны, но ничего особеннаго.

27 февраля. Вчера скончался имп. Вильгельмъ. Событіе чреватое: при болѣзни новаго императора Фридриха и международныхъ замѣшательствахъ положеніе крайне смутное. Могутъ выйти всякія непредвидѣнныя для Европы и для насъ дѣла. Я тотчасъ поѣхалъ и къ ген. Вердеру и къ Швейницу выразить мое соболѣзнованіе. Разговоръ съ Вердеромъ былъ очень любопытенъ. Онъ смотрѣлъ очень мрачно. Говоритъ, что раздраженіе въ Россіи противъ Германіи очень распространено. Онъ недоволенъ, кажется, результатомъ своей поѣздки, говоритъ, что государь не высказывается, что онъ очень сдержанъ (zurück-haltend), однако рѣшительно не хочетъ войны. Ужасно интригуютъ французы. Если тронется Россія, то сейчасъ же и Франція.

Сообщила М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывокъ изъ неизданнаго письма Н. В. Гоголя.

Предлагаемый отрывокъ изъ письма Гоголя къ своему другу Николаю Яковлевичу Прокоповичу привожу съ оригинала, принадлежащаго въ настоящее время сыну извѣстнаго составителя учебниковъ по географіи Капитона Ивановича Смирнова—Николаю Смирнову, внуку (по матери) Н. Я. Прокоповича.

Вся первая часть письма затерялась и Смирновымъ, удалось сохранить лишь конецъ его съ инициалами Гоголя и адресомъ, написаннымъ также собственноручно Гоголемъ. Остатокъ письма представляетъ лоскутокъ совсѣмъ пожелтѣвшей отъ времени бумаги, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изорванной.

Письмо это, какъ видно по отрывку, Гоголь писалъ изъ Неаполя въ Петербургъ къ Прокоповичу въ 1847 г., и день прибытія посланія въ Петербургъ показываетъ старинный штемпель: „Полдень. 1847 года. Августа 25“.—Другія почтовые помѣтки указываютъ этапы, по которымъ слѣдовало письмо въ Россію, т. е. черезъ Бельгію-Остенде и Берлинъ (22 августа того же года).

Интересно, что за отсутствіемъ въ то время конвертовъ адресъ писался на обыкновенномъ листкѣ бумаги, который складывался на подобіе конверта.

Вотъ содержаніе конца письма (сохраняю орѳографію):

„Въ Неаполѣ я пробуду еще до февраля. Въ февралѣ отправляюсь на Востокъ а оттуда въ Россію и если Богъ устроитъ все благополучно то можетъ быть будущимъ лѣтомъ увидимся въ Петербургѣ. Прощай Твой Н. Г.“

Текстъ адреса: „St. Petersburg Russie Его Высокоблагородію Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ Петербургѣ. На Васильевскомъ Островѣ въ 9 линіи между Большимъ и Среднимъ проспект., въ Собственномъ домѣ“.

Гоголь познакомился съ Прокоповичемъ въ Нѣжинскомъ лицѣѣ, откуда и началась между ними тѣсная дружба. Впослѣдствіи Николай Прокоповичъ преподавалъ русскую словесность въ с.-петербургскихъ корпусахъ и самъ былъ поэтомъ.

Стихи и біографія Прокоповича были изданы Гербелемъ въ 1858 году.

Мнѣ сообщилъ Н. К. Смирновъ слѣдующее. Прокоповичъ передавалъ его отцу, что Гоголь часто обращался къ нему съ просьбой исправлять орѳографическія и синтаксическія ошибки въ его рукописяхъ, и тотъ, какъ другъ, исполнялъ это съ большою готовностью и любовью.

Прокоповичъ умеръ въ 1857 году 47 лѣтъ отъ роду.

Сообщилъ **С. Шпицеръ.**